

стр. 378 (18 строка сверху) и др., что совершенно недопустимо в филологическом издании.

В заключение хочется подчеркнуть, что несмотря на указанные недочеты книга В. Г. Адмони очень ценна своей теоретической направленностью и может служить полезным пособием как для преподавателей, так и для студентов языковых вузов.

А. М. Искоз, Г. Н. Эйхбаум и Н. П. Фомин

Charles F. Hockett. A manual of phonology. — Baltimore, Waverly press, 1955. 246 стр. («International journal of american linguistics», vol. 21, № 4, 1955. Part 1. Indiana University publications in anthropology and linguistics. Memoir 11.)

В данной рецензии мы не ставим перед собой цель показать общее состояние разработки вопросов фонологии в американской лингвистике. Нашей задачей является ознакомление заинтересованного читателя с кругом вопросов, поставленных в «Руководстве по фонологии» профессора Чарльза Ф. Хоккета, автора многочисленных работ в данной области.

Монография задумана не как учебное пособие, а, скорее, как справочник по основным вопросам фонологии. Этой цели соответствует оригинальная композиция книги и включение библиографии в предметный указатель. Сам автор пишет о том, что «книга рассчитана на то, чтобы к ней можно было обратиться за справкой, а не на то, чтобы ее читали, конечно, не на то, чтобы ее прочитали целиком» (стр. 1)¹.

Весь материал распределен между семью разделами. В вводном разделе (стр. 1—23) излагаются методологические установки автора при изучении проблем фонологии. Первый раздел (стр. 23—42) содержит описание органов речи и замечания о фонетическом подходе к звукам речи. Самым большим по объему является второй раздел (стр. 42—143), посвященный типологии фонологических систем. В нем содержится интересный фактический материал, умело обобщенный и систематизированный. Этот раздел дополняет и развивает то, что в свое время было сделано Н. С. Трубецким². Не менее интересен и третий раздел (стр. 143—175), являющийся теоретическим обоснованием предыдущего, так как в нем раскрываются принципы фонологического анализа. Такая последовательность в изложении материала объясняется тем, что автор предпочитает дедуктивный путь изучения; он неоднократно подчеркивает, что абстрагирование должно основываться на строгом исследовании эмпирически полученных данных. Небольшой четвертый раздел (стр. 175—180) — о структуре, модели и абстракции — является логическим развитием предыдущего. В пятом разделе (стр. 180—211) рассматриваются вопросы акустической фонетики, которая за последнее время особенно привлекает американских ученых. Последний раздел (стр. 211—221) — о функциональной нагрузке и аналитических нормах — завершает круг проблем, связанных с фонологией. В процессе изложения автор постепенно переходит от большой проблемы к самым мелким вопросам, в нее включенным. Примечания и предметный указатель дополняют работу. Книга содержит довольно полную библиографию по вопросам фонологии. Следует добавить, что рецензируемая монография является первой частью большого труда по всем отраслям языкознания, подготовляемого автором.

Ч. Хоккет — типичный представитель американского направления структуральной лингвистики. Однако в своем «Руководстве по фонологии», где Хоккету удалось многое блестяще разработать и обобщить, он в ряде случаев отходит от установок дескриптивной лингвистики (как и от своих собственных высказываний в предыдущих работах) и оригинально развивает идеи пражской школы; об этом автор неоднократно упоминает сам (ср. стр. 1, 74, 154, 166 и др.).

Из проблем, которые затрагивает Хоккет в своей монографии, следует прежде всего остановиться на его трактовке системы языка, так как эта проблема является одной из центральных в современном языкознании. Ч. Хоккет дает общий набросок системы языка, определяя последний как «сложную систему привычек (habits)» (стр. 14). Система языка, по Хоккету, включает пять подсистем, три из которых являются центральными, а две — периферическими. К центральным системам относятся: грамматическая система — запас морфем и все возможности их сочетания, фонологическая система — запас фонем (или фонологических единиц) и все возможности их сочетания в данном языке и морфонема-фонематическая система, соединяющая две предыдущие³. Периферическими являются: семантическая система, которая «ассоциирует различные мор-

¹ Здесь и далее в скобках указываем страницы рецензируемой книги.

² См. N. S. Trubetzkoy, Grundzüge der Phonologie, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 7, Prague, 1939.

³ Ср. критику выделения морфонологии в самостоятельную область в статье А. А. Реформатского «О соотношении фонетики и грамматики (морфологии)» (сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955).

фемы и их соединения с определенными предметами или явлениями, или видами предметов и явлений, в мире вокруг нас» (стр. 14), и фонетическая система, которая служит своеобразным кодом для преобразования непрерывного потока фонем в звуковые волны.

В связи с этой схемой автор намечает и границы языка, отделяя от него некоторые явления, связанные со звукопроизводством (кашель, икота). С другой стороны, он указывает на переходные случаи, например: «язык» свиста индейского племени мазатеко, повторяющий мелодический рисунок языка этого племени; бой африканских барабанов, связанный с характером речений некоторых африканских языков; пепот, лишенный некоторых существенных особенностей звуковой речи, и, наконец, пение, в котором отсутствует тоновая окраска. От всех этих явлений система языка отличается, по мнению Ч. Хоккета, своим двойственным характером, т. е. во-первых, тем, что речевые сигналы имеют одновременно и фонологическую, и грамматическую структуры, а, во-вторых, тем, что система языка основана на контрастных противопоставлениях, между которыми нет переходных случаев. Хоккет чувствует разницу между языком и указанными выше явлениями, однако характерные особенности как смежных случаев коммуникации, так и самого языка могут быть определены лишь в связи с правильным пониманием сущности языка.

Систему языка Ч. Хоккет рассматривает в ее взаимоотношениях со структурой и моделью. Он разграничивает эти три понятия, хотя и не проводит четкого различия между системой (system) и моделью (pattern)¹. Все свои рассуждения о характере системы языка Хоккет основывает на анализе фонологической системы, «существование которой принимается всеми как бесспорное» (стр. 147).

Приняв деление на язык и речь (в соскоровском плане), Хоккет пишет, что структура характерна для речи, а модель (или система) — для языка. Структура конкретна, ощутима, она может быть предметом непосредственного наблюдения, а модель — абстрактна, выводима на основании изучения структуры. «Модель — это о б ы ч а й (habit), структура — это п о в е д е н и е; модель — это я з ы к, структура — это р е ч ь; модель — это к у л ь т у р а, структура — это п р о я в л е н и е к у л ь т у р ы в п о в е д е н и и. Структура — это пространственно-временное расположение частей особого исторического явления, модель — это то, чему более или менее близко соответствует структура», — поясняет он (стр. 176). Соотношение структуры и модели Хоккет сравнивает с платьем, которое имеет структуру, т. е. различные куски материи, соединенные друг с другом определенным образом; такую же структуру имеет и бумажная выкройка этого платья; и структура бумаги, и структура материи соответствуют одной и той же модели. Такое понимание структуры и модели является новым, но надо подумать над тем, приведет ли оно к положительным результатам.

Фонологическая система представляется Хоккету абстрактной математической схемой, проявляющейся в речи в виде «фонической субстанции», т. е. артикуляторных движений и звуковых волн. Хоккет подчеркивает, что «целью исследователя-фонолога является изучение и описание фонологической модели языка» (стр. 176). Однако Ч. Хоккет всюду отмечает, что к достижению этой цели надо идти эмпирически, т. е. от непосредственных наблюдений реально звучащей речи. О необходимости основывать рассуждения на тщательно собранном и обработанном материале какого-либо языка или языков Хоккет говорит во многих местах своей работы, подчеркивая, что «абстрактная схема, не полученная на основе эмпирических данных, остается чисто математической, не относящейся к языку» (стр. 225). Такое внимание к непосредственному наблюдению над языковыми фактами, требование вести анализ от конкретного к абстрактному красной нитью проходит через всю книгу Хоккета и положительно ее характеризует.

Следует также отметить, что Ч. Хоккет подходит к системе языка, так сказать, не с точки зрения планиметрии, а с точки зрения стереометрии. Фонологическая система, как она раскрывается в рецензируемой монографии, представляется в виде объемного явления, что обусловлено изучением ее по плоскостям, находящимся на разных уровнях. Хоккет предлагает проводить анализ системы, либо поднимаясь от низших плоскостей к высшим, либо наоборот. Он выбирает второй путь, так как, по его мнению, легче установить структуру более крупных единиц, потому что они яснее выделяются в звуковом потоке, а затем, постепенно спускаясь, дойти до анализа самых мельчайших, далее не делимых единиц.

Такое стереометрическое понимание системы подводит вплотную к рассмотрению принципов фонологического анализа, в основу которого Хоккет кладет изучение системы с точки зрения непосредственных составляющих (immediate constituents) —

¹ Возможно, что Хоккету мешает многозначность термина «система», который можно понимать (например, с точки зрения Сепира) как синоним к термину «модель» и как термин для обозначения совокупности каких-либо элементов, характеризующейся закономерностью их расположения.

составных частей какой-либо языковой единицы, включающих в себя более мелкие единицы, которые в свою очередь можно разложить на несколько составных частей, и т. д. Следует сказать, что уже в работах Блумфилда содержится намек на возможность подхода к изучению фонологической системы с точки зрения «иерархии» составляющих ее компонентов, а Л. Ельмслев и Е. Курилович применили этот принцип при анализе грамматической системы.

Анализ фонологических единиц Ч. Хоккет проводит очень тщательно, почти филигранно. Многие страницы этого раздела чрезвычайно интересны. За основу анализа он берет не слова и не морфемы, а определенные отрезки, которые можно выделить из непрерывного речевого потока. Таким отрезком речевого потока — речением (*utterance*) может быть и синтагма, и слог, и звук. Хоккет подчеркивает, что эти отрезки речи (речения) могут не совпадать со словами, как, например, в английском языке речения *find her* и *finder* с фонологической точки зрения могут рассматриваться как тождество, речение же *she's* включает два морфологических элемента, но никакой фонологической границы между этими элементами нет. Каждое из речений имеет определенную структуру, соответствующую модели.

Изучение непосредственных составляющих в каждой из плоскостей иерархического анализа, в конечном счете приводит к выделению неразложимого далее элемента, называемого первичным фонологическим составляющим (*ultimate phonologic constituent*)¹, по отношению к которому все вышестоящие элементы будут вторичными. Ч. Хоккет придает большое значение этим первичным фонологическим составляющим, так как «их совокупность и условия, в которых они встречаются по отношению друг к другу в речении, и составляют фонологическую модель языка» (стр. 43). На разных уровнях фонологическая модель будет иной. Так, например, если взять интонационную систему английского языка, то там первичными фонологическими составляющими будут являться три уровня высоты (*pitch levels*); в акцентуационной системе ими будет безударность; в системе же фонем односоставные единицы чрезвычайно редки, поскольку здесь чаще встречаются единицы, характеризующиеся пучками первичных фонологических составляющих. Разные языки обладают различными первичными фонологическими составляющими, поэтому и их фонологические системы неодинаковы, поясняет Хоккет.

За самую крупную единицу, которая может быть подвергнута исследованию, автор принимает отрезок речи между двумя паузами — макросегмент. «Некоторые макросегменты состоят из одного слога; некоторые слоги состоят из одной вершины или из одного начала; некоторые вершины, исходы слогов состоят из одной фонемы. Так же только некоторые фонемы состоят из одного первичного составляющего, тогда как большинство фонем в любом языке состоит из пучка нескольких первичных составляющих» (стр. 126), — так намечает Хоккет простейший путь анализа. Первичными фонологическими составляющими фонемы являются ее артикуляторные свойства. Идея такого анализа, как мы знаем, не нова и ведет свое начало еще от Бодуэна де Куртене — Щербы — Трубецкого. Новым является подход к этому анализу с точки зрения иерархических взаимоотношений, нашедший довольно широко распространение в Америке.

Ч. Хоккет очень тщательно анализирует все типы речений, начиная с макросегментов. Он подчеркивает то, что при фонологическом исследовании нельзя ограничиваться старой «фонологией слова» (*Wortphonologie*), которая либо пропускала, либо не разграничивала многие фонологически значимые явления, как, например, интонационные контрасты. Хоккет намечает ряд вопросов, от разрешения которых зависит полнота анализа: сколько в данной единице непосредственных составляющих; какая часть анализируемой единицы относится к каждому из непосредственных составляющих; каково, в целом, физическое расположение непосредственных составляющих; в какой конструкции они находятся; где еще встречается данный непосредственный составляющий; какие еще элементы разделяют с этим непосредственным составляющим «привилегию» встречаться именно в данной единице» (стр. 150). Автор замечает, что эти вопросы не могут изучаться поочередно, так как они взаимно перекрещиваются.

Ч. Хоккет дает многочисленные и, как было указано выше, очень интересные примеры анализа макросегментов, отдельных слов (с точки зрения их слогового деления, так как именно слог он рассматривает в качестве следующей иерархической единицы), слогов и, наконец, фонем. В качестве образца анализа можно привести один из наиболее простых примеров Ч. Хоккета. В английском слове *scrimp* «скряга», представляющем один слог, можно выделить начало [scr], вершину [i] и конец [mp], которые являются элементами одинакового структурного уровня. Однако, учитывая, что для английского языка характерна более тесная связь между вершиной и концом слога, чем между началом и вершиной, нужно признать непосредственными составляющими

¹ Этот «первичный фонологический составляющий» Хоккета, по существу, совпадает с тем, что называют «отличительной чертой, характеристикой, компонентом, дифференциальным признаком» и т. п. фонемы и других фонологических единиц.

этого слога начало [scr] и соединение вершины с концом [imp]. Последнее является ядром всей конструкции, а первое, т. е. начало, занимает подчиненное положение, потому что оно не обязательно для структуры слога в английском языке (так как могут существовать слоги, состоящие из соединения вершины и конца или просто из вершины), следовательно, подчиненная единица в структуре этого слога предшествует центральной. Далее можно показать использование этих двух непосредственных составляющих в других окружениях: в качестве начала слога сочетание [scr] встречается в *scratch*, *scrape*, в качестве слогораздела — в *describe*, *escrow*. По использованию [scr] в этих положениях его можно сравнить с [spl, squ, kr] в *splash—desplay*, *squelch—esquire*, *crate—acrid*, но не с сочетанием [sk], так как последнее встречается, помимо этих позиций, и в конце слога: *ask*, а [scr] в конце слога не может стоять. Аналогичным образом, т. е. с точки зрения использования в разных положениях, можно разобрать и вторую непосредственный составляющий [imp].

Спускаясь ниже по иерархической лестнице, надо исследовать [imp] уже как отдельно взятую единицу, в свою очередь распадающуюся на два непосредственных составляющих: [i] — вершина и [mp] — конец слога, причем ядром будет являться [i], так как в языке могут быть слоги, состоящие лишь из вершины, но не из одного конца. Далее проводится анализ вновь выделенных непосредственных составляющих по их использованию. Вслед за изучением этой плоскости можно перейти к анализу отдельных фонем и выделить их непосредственные составляющие, которые и будут первичными фонологическими составляющими, поскольку далее разлагать их невозможно. Таковыми будут в первую очередь место образования и способ образования, а затем — работа голосовых связок, участие полости носа, губ и т. д.

Согласно этому же принципу, Ч. Хоккет анализирует и другие предложения. Так, например, при анализе макросегментов он выделяет в качестве непосредственных составляющих интонацию и «остаток» и указывает на то, что они всегда сосуществуют в речи, хотя и в этом случае можно выделить ядро, которым является интонация, так как она может оформлять и другие «остатки», играющие второстепенную роль. На основании анализа примеров такого рода Хоккет приходит к выводу, что непосредственные составляющие могут находиться либо в субординационном (как в случае [imp]), либо в координационном соотношении (как в последнем примере).

Нужно отметить, что Хоккет отдает должное и тем принципам фонологического анализа, которые он называет старыми эвристическими (так как они уже давно выдвинуты в фонологии) и которые связаны с чрезвычайно важной проблемой выяснения тождества фонологических единиц. Этих принципов четыре: 1) контраста и дополнения, 2) фонетического тождества или различия, 3) равновесия модели и 4) экономии. Автор все же отводит им второстепенную, вспомогательную роль сравнительно с принципами анализа по непосредственным составляющим.

В заключение Хоккет указывает, что среди лингвистов нет еще единства во взглядах на то, каким образом разлагать фонемы, слоговые стыки, ударения и литонационные особенности на первичные фонологические составляющие; поэтому, перечисляя попытки других лингвистов и полемизируя с ними, он ограничивается лишь определением проблем эмпирического и логического порядков в этой области.

Достоин внимания, что характеристику принципов фонологического анализа Хоккет начинает с описания приемов исследования речевого материала (подбор и сравнение). Первый из них описывается автором наиболее подробно, так как раньше этот прием не привлекал внимания европейских ученых (кроме Трубецкого). В основу подбора Хоккет кладет непосредственное наблюдение в языковой среде, придавая большое значение знанию изучаемого языка и подвергая резкой критике тенденцию некоторых лингвистов производить анализ без знания изучаемого языка в угоду ложной, как ее называет Хоккет, объективности. Период подбора заканчивается, когда обнаружены все фонологически существующие различия, и наступает период сравнений, основанный на анализе по непосредственным составляющим.

Мы изложили принципы, выдвигаемые Хоккетом, потому что в советской лингвистической литературе за последнее время мало освещалось изучение фонологических проблем в зарубежном языкознании, книга же Хоккета дает интересный материал для размышлений о целесообразности применения тех или других методов и приемов.

К анализу фонемы Хоккет подходит в результате анализа (по принципу иерархии) крупных отрезков речи (макросегментов) и их непосредственных составляющих. Разобрав очень подробно и интересно различные виды интонации как одного из непосредственных составляющих макросегмента, Хоккет дает не менее тщательный анализ слога. Он высказывает много интересных соображений о структуре слога, о характере слоговых стыков, о взаимоотношении ударных и безударных слогов и лишь затем останавливается на анализе особенностей фонемы.

Ч. Хоккет употребляет термин «фонема» в том понимании, которое было характерно для пражской лингвистической школы. Он считает, что в американском языкознании неправомерно расширены границы применения этого термина, так как в него включаются и интонация, и соединение звуков, и ударение, и различные типы звуков. Тер-

мин же «сегментальная фонема», употребляемый в Америке для обозначения фонологической единицы, меньшей, чем слог, но большей, чем первичный фонологический составляющий, автор считает слишком громоздким.

Тем не менее четко сформулированного определения фонемы Ч. Хоккет не дает¹, может быть, потому, что его больше привлекает установление фонологической структуры с точки зрения системы первичных фонологических составляющих. Правда, он отмечает, что фонемы, как и другие фонологические единицы, физически не существуют в речевом сигнале, так как в звуковом потоке мы выделяем лишь реализацию (representation) фонем.

Большое место в «Руководстве» занимает классификация фонем по условиям их использования в составе слога. Хоккет придерживается деления фонем на вокоиды и контоиды, но не всегда последовательно и больше склоняется к традиционному делению на гласные и согласные.

Анализируя гласные, Хоккет приходит к выводу, что непосредственные составляющие могут находиться в отношении координации друг с другом (так, на примере фонемы [i] мы видим координацию верхнего подъема и переднего ряда); бывают, однако, и случаи субординационного отношения, примером которого является назальность носовых гласных, занимающая подчиненное положение, так как гласные могут встречаться и без нее.

Останавливаясь на вопросах классификации гласных и согласных, Ч. Хоккет рассматривает теорию вариантов (аллофонов), нейтрализации фонем, «архифонемы» и т. п.; он разбирает пражскую и американскую традиции в решении этих проблем и делает попытку осветить их при помощи анализа по непосредственным составляющим. Нельзя сказать, что автору это удалось. Хоккет подходит к фонологической системе не как к совокупности элементов, а как к сети контрастов, в которой элементы рассматриваются лишь как конечные пункты контрастов; он определяет фонему как «функциональное ничто, характеризующее лишь своим отличием от других фонем» (стр. 193). Хоккет переносит влияние окружения, перенося на него часть особенностей, присущих фонеме; так, например: нарастание или падение звонкости английских согласных, зависящие от их позиции в начале или в конце слога, автор рассматривает в качестве аллофонов такой структурной единицы, как стык слогов.

В заключение анализа фонем автор «Руководства» рекомендует изучить их еще с точки зрения текстовой частотности, т. е. по их использованию в потоке речи, потому что в гавайском языке, например, число согласных фонем значительно превышает число гласных, однако текстовая частотность последних гораздо выше, так как в слоге гласный обязателен, а согласный — нет.

Таким образом, Ч. Хоккет рассматривает проблему фонемы наряду с вопросами изучения других фонологических единиц, но выделяя ее в качестве центральной проблемы фонологии. Между тем в основу системы фонем какого-либо языка необходимо класть материальные единицы, связанные с основной функцией языка — служить средством общения — и характеризующие совокупностью определенных признаков. Поэтому построение фонологической системы языка на основе лишь этих признаков, т. е. первичных фонологических составляющих, не представляется возможным.

Материал «Руководства» позволяет сделать общий вывод относительно возможности использования иерархического анализа по непосредственным составляющим: если не видеть в нем самоцели, то его можно применять в качестве рабочего приема при фонологическом исследовании (при условии внесения в него соответствующих методологических корректив). Гораздо сложнее обстоит дело с проблемой стереометрического характера фонологической системы, обсуждение ее вышло бы за рамки рецензии, поскольку оно связано с решением общей проблемы системного характера языка в целом.

Мы остановились на основных проблемах, освещенных в «Руководстве». Следует прибавить к вышеизложенному, что книга Хоккета содержит весьма интересный раздел об акустическом анализе звуков речи при помощи последних достижений современной техники. Акустическая фонетика после выхода в свет первой работы в этой области² находится в центре внимания американских фонетистов. Некоторые из них, как, например, Б. Блох, склонны считать введение спектрального анализа в изучение звуков речи полным переворотом в фонологии, создающим условия для выяснения всех нерешенных вопросов. Ч. Хоккет тем более интересуется акустической фонетикой, что, по его мнению, основным постулатом фонологии является утверждение того, что говорящие на данном языке воспринимают одни речевые явления как тождественные, а другие явления — как различные, независимо от их артикуляционных харак-

¹ Ср. об определении фонемы последнюю, важную в методологическом отношении статью Б. Тринки: B. Trnka, Určování fonému, «Acta universitatis Carolinae», 1954-7 — Philologica et historica, Pragae, 1954.

² M. J o o s, Acoustic phonetics («Language», vol. 24, № 2, Suppl. — «Language monograph», № 23), Baltimore-2, Md., 1948.

теристик, т. е. за основу анализа берется акустический эффект, а потом уже учитываются артикуляционные особенности речений (§ 31). В данном разделе поставлена весьма сложная проблема соответствия фонологической структуры речения его акустической регистрации. Попутно даны сведения о новейших аппаратах, применяемых при экспериментальном изучении звуков речи — спектрографе и искусственном воспроизводителе речи, который «читает» спектрограммы, даже если они нарисованы от руки.

Ч. Хоккет дает анализ новых интересных спектрограмм. Он описывает акустические коррелятивы гласных и согласных, приводит много схем, способствующих познанию сущности основных формантов гласных и т. п. Однако выводы автора по этому разделу далеко не оптимистичны, так как, во-первых, акустическая запись совершенно не похожа на графическую запись, в которой один и тот же звук всегда фиксируется одним и тем же знаком, а, во-вторых, если анализ гласных и дает положительные результаты, то анализ согласных пока ощутимых результатов еще не дал. Хоккет более осторожен, чем другие языковеды, восторженно приветствовавшие акустическую фонетику (Блох, Якобсон, Джус и др.); правда, при этом он оставляет за будущим окончательное решение всей проблемы.

Рецензируя «Руководство», нельзя не отметить, что Ч. Хоккет весьма часто прибегает к математическим формулам, чертежам и диаграммам, что придает живость и наглядность изложению. Однако использование формул не всегда достигает желаемой цели. Так, например, Хоккет выводит формулу для подсчета возможных сочетаний фонем, на основе которых создаются слова. Но, во-первых, как он сам указывает, не все сочетания фонем реально существуют в языке, а, во-вторых, добавим мы, никакая формула подобного рода не отразит богатства словарного состава какого-либо языка, с его многозначностью и омонимией.

Помимо основных проблем, Ч. Хоккет затрагивает много смежных вопросов, представляющих интерес для фонетистов [например, вопрос о соотношении фонологической структуры одного и того же речения, произнесенного в разных темпах (§ 64), и т. п.]. В краткой рецензии очень трудно охватить весь материал книги (ее объем — свыше двухсот страниц), содержащей много положительного, интересного, и все же весьма противоречивой. Часть замечаний была нами сделана попутно, здесь же мы вкратце остановимся на методологических установках работы. Хоккет рассматривает язык как одно из проявлений поведения человека. Вместе с тем автору не удается (и это вполне естественно) совсем обойти вопрос о коммуникативной функции языка; действие ее он сначала ограничивает двумя индивидами (§ 0), а затем распространяет на ряд индивидов, обладающих «общим ядром» структуры и всеобщностью модели, которые обеспечивают взаимопонимание (§ 03).

Раскрывая далее схему внутренних процессов речевой коммуникации, Хоккет совершенно игнорирует физиологическую основу их и, что самое главное, наличие сознания у человека. Он даже считает возможным «построить искусственную модель, которая могла бы говорить и понимать речь, как это делает люди» (стр. 4). При всем желании, Хоккет не может быть последователен в этом своем утверждении и вынужден отметить ниже (стр. 14), что человек способен думать, запоминать, «планировать» высказывание, самому же совершенному искусственному аппарату это недоступно. Но вместо попытки разобраться во всей сложности вопросов, Хоккет торопится ответить их в сторону, указывая, что ставить эти вопросы (хотя они и могут быть очень важны) неправильно, так как человек в этом отношении (за исключением способности речи), по его мнению, не отличается от животного, например льва, хранящего знания о том, как поймать газель. По этим причинам автор не считает указанные вопросы лингвистическими.

Аналогично решает Ч. Хоккет и проблему «понимания», сущность которого, на его взгляд, заключается в том, что во внутренних аппаратах осуществления коммуникации говорящего происходит последовательно ряд процессов, завершающихся выпуском звуковых волн через «речевой передатчик», как называет Хоккет органы речи. Звуковые волны достигают «речевого приемника», т. е. органов слуха, и в аппаратах слушающего происходит ряд обратных процессов, которые совпадают с рядом процессов, совершившихся в аппаратах говорящего. Если такое совпадение налицо — значит «понимание» осуществилось, коммуникация достигла цели. Это рассуждение представляет собою яркий пример механистического подхода к языку. Попытка проникнуть в сущность внутренних процессов коммуникации потерпела крах из-за неправомерного, более того, ненаучного подхода к проблеме.

Игнорирование сознания у человека привело Ч. Хоккетта, как и многих других языковедов, к отрицанию семантической стороны языка. В свою очередь это заставляет его рассматривать лексическую систему языка как побочную подсистему, связанную не с содержанием, а с формой в языке (стр. 16); сравнивать «значение» в языке с показанием стрелки спидометра (стр. 4); подчеркивать, что звуковой поток речи анализируется вне связи с каким-либо его семантическим делением, потому что эта связь отсутствует; наконец, интерпретировать чисто механические случаи фонетических оговорок типа *pass me the piscuits* (вм. *biscuits*) и «понимания» их, хотя в таких случаях именно семан-

тическая сторона обуславливает «понимание». Нельзя примириться с игнорированием смысловой стороны высказывания. В том-то и заключается новое в изучении звуков речи в XX в., что они, во-первых, стали рассматриваться в плане связи с семантикой, а, во-вторых, начали изучаться как система; причем первое определило второе, поскольку из множества реально произносимых звуков оказалось возможным выделить ограниченное их число.

Исходя при фонологическом анализе лишь из акустического эффекта, отражающего позиционные условия использования фонем, Хоккет на деле приходит к смешению фонетического и фонологического планов, несмотря на утверждение их различия. В результате смешения фонетики и фонологии в «Руководстве» оказалось много неточностей в употреблении терминов; можно привести хотя бы один пример: наряду с утверждением, что фонологическая система — это абстракция, в пятом разделе делается попытка найти акустические коррелятивы к пей, т. е. к абстракции.

Не останавливаясь на более мелких недочетах, добавим только, что в книге много непривычной терминологии, но читатель быстро осваивается с ней, потому что Ч. Хоккет не оставляет ни одного термина без разъяснения.

Общее ознакомление с «Руководством по фонологии», выделяющимся среди других работ (Пайка, Блоха, Треджера, Джуса, Харриса, Фогелина и др.) по охвату материала, но более анализа и оригинальности решения многих проблем, заставляет нас отметить труд Ч. Ф. Хоккета в целом как крупное событие в лингвистической жизни Америки.

Н. А. Слюсарева

НОВЫЕ РАБОТЫ ПРОФЕССОРА М. МОИНА¹

Несколько лет тому назад иранский языковед доктор Мохаммед Моин, профессор Тегеранского университета, начал издавать отдельными выпусками свой новый труд, названный им «Tārḥ-e dāstūr-e zāban-e fārsi» («Проект грамматики персидского языка»). К настоящему времени Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина располагает тремя первыми выпусками. Выпуск первый (1952) называется «Qaedeḥa-ye jam' dār zāban-e fārsi» («Правила образования множественного числа в персидском языке»), выпуск второй (1953) — «Esm-e māsdār» («Имя действия»), выпуск третий (1953) — «Ezafe» («Изафет»).

Новые работы проф. М. Моина, одного из виднейших представителей языковедной науки современного Ирана, несомненно, свидетельствуют о значительных успехах, которых добились иранские языковеды в изучении современных и древних иранских языков. Иранских лингвистов, по-видимому, больше не удовлетворяют старые грамматические традиции, унаследованные еще от арабской, так называемой классической грамматики. Они стремятся, отказавшись от старых схем, создать грамматику персидского языка на более высоком, современном уровне. Внимание к отдельным научным проблемам дало возможность М. Моину и некоторым другим иранским лингвистам перейти от традиционно-схематичного изложения правил грамматики к изучению и описанию отдельных грамматических явлений. Однако полностью освободиться от устарелых традиций иранским языковедам пока еще не удается, о чем свидетельствуют и новые работы М. Моина.

В рецензируемых работах проявляется внимание их автора к отдельным грамматическим явлениям, глубокое знание фактов классического и современного языка и стремление тщательно описать их с целью как можно детальнее и объективнее охарактеризовать так называемые «правила употребления» и все «исключения» из этих правил. Вместе с тем в этих работах все еще игнорируются многие центральные проблемы лексикологии, морфологии, синтаксиса, все еще недостаточными оказываются выводы и теоретические обобщения.

Новые тенденции развития иранского языкознания в сочетании с сохраняющимися старыми традициями определили подход проф. Моина к иллюстративному материалу. Автор привлекает к исследованию не только современный литературный язык, но также и материалы тегеранского просторечия. Обращение к изучению современного литературного языка и живых говоров крайне важно для развития иранского языкознания, так как еще совсем недавно даже элементарные грамматики для начальных школ строились исключительно на материале классического персидского языка. Эту старую традицию едва ли не первыми нарушили иранские филологи М. Вехар, Р. Йе-

¹ М. Моин, Tārḥ-e dāstūr-e zāban-e fārsi, [вып.] 1—3, Teheran, «Zävvar», 1952—1953.